

100 страниц до смерти

Валерия Хасанова

Валерия Хасанова

100 страниц до смерти

«Автор»

2026

Хасанова В. А.

100 страниц до смерти / В. А. Хасанова — «Автор», 2026

«Представьте: вы находите старую рукопись. Бумага тёплая. Словно живая. Вы читаете — и наутро всё сбывается. Конверт с деньгами. Встреча с прошлым. Судьба. Но есть одна проблема. На сотой странице герой умирает. Букинист Марк Фомин нашёл такую книгу. Он написал её в шестнадцать лет, чтобы спасти мать. Она выжила. Но через сто дней умерла. Книга ждала тридцать лет. Теперь она вернулась. Сможет ли Марк переписать финал? Или он станет очередной жертвой на сотой странице? 100 страниц до смерти». Мистический триллер о цене чуда и силе выбора.

© Хасанова В. А., 2026

© Автор, 2026

Валерия Хасанова

100 страниц до смерти

100 страниц до смерти

Глава 1. Лавка на Лиговском

Марк Фомин не любил утро.

Он вообще не любил то время суток, когда в его букинистическую лавку «Лита» заглядывали первые посетители, потому что это означало: очередной день придётся врать. Врать, что редкое издание Блока у него «случайно продано вчера». Врать, что Достоевский в твёрдом переплёте стоит пять тысяч, хотя Марк купил его на барахолке за двести. Врать, что он всё ещё верит в силу печатного слова.

— Марк Сергеевич, доброе утро!

На пороге стояла Настя — студентка филфака, постоянная покупательница. Она любила Серебряный век и почему-то считала, что Марк — тонкий ценитель поэзии, а не просто мужик, который продаёт книги, потому что не умеет делать ничего другого.

— Доброе, — буркнул он, не отрываясь от кружки с остывшим чаем. — Что на этот раз? Бальмонт? Цветаева?

— Нет, я хотела спросить... у вас нет чего-нибудь... странного? — Настя замялась. — Ну, знаете, такого, от чего мурашки по коже. Мистического.

Марк усмехнулся в кружку.

— Ты не туда пришла. У нас книжки для пенсионеров, которые скучают по советскому. Мистика на соседней улице, в отделе эзотерики.

— Но вы же сами говорили, что у вас есть вещи, которые никто не видел, — не сдавалась Настя. — Вы говорили, что книги иногда сами находят читателя.

Марк поморщился. Сказал он это в тот день, когда накачался коньяком после годовщины развода. С тех пор студентка носилась с этой фразой, как с откровением.

— Ладно, — он махнул рукой в сторону задней комнаты. — Посмотри в коробке у печки. Там всякий хлам. Если что-то зацепит — бери за двести рублей.

Настя исчезла за тяжёлой портьерой, и Марк остался один. Утро за окнами было серым, петербургским, таким же, как вчера, и позавчера, и двадцать лет назад, когда он только открыл эту лавку. Ему было сорок семь. Глаза уже слезились от пыли, а спина болела от того, что он сутулился над книгами по десять часов в день. Жена ушла к какому-то стоматологу, дети звонили раз в год, и единственной живой душой, которая его любила, был рыжий кот Степан, дремавший на подоконнике.

Марк ненавидел утро, потому что в утреннем свете его жизнь выглядела именно так, как она выглядела, — без прикрас, без надежды, без единой главы, которую хотелось бы перечитать.

— Марк Сергеевич!

Настя вылетела из-за портьеры с какой-то стопкой бумаги в руках. Глаза у неё горели — так горят только у филологов, нашедших неизданный черновик Мандельштама.

— Это... это не книга, — сказала она. — Там нет обложки. Вообще нет никакой обложки. Но там что-то написано.

— Ну так неси на кафедру, может, курсовую найдут, — равнодушно ответил Марк.

— Вы посмотрите! — она сунула рукопись ему в руки. — Бумага старая, но чернила... они как будто влажные.

Марк взял стопку и сразу понял, что она странная. Не потому, что на ней не было ни имени автора, ни названия, ни типографских пометок. А потому, что бумага казалась тёплой.

Не от солнца — от какой-то внутренней, почти живой температуры. Как будто её только что держал человек, хотя в задней комнате не было никого.

— Пыли на ней нет, — тихо сказал он. — А там, в коробке, всё в пыли.

— Я заметила! — прошептала Настя. — Она лежала на самом дне, под глобусом. И никакой пыли.

Марк провёл пальцем по первой странице. Там было написано от руки, каллиграфическим почерком, но без единого зачеркивания, словно автор писал, не останавливаясь:

«Человек, который ненавидит утро, просыпается и видит в окне птицу. Птица сидит на карнизе и держит в клюве конверт. В конверте ровно десять тысяч рублей. Человек не знает, откуда они взялись. Он выходит на улицу и покупает свежий хлеб, хотя уже десять лет покупает только чёрствый. В этот день всё меняется».

— Бред, — сказал Марк, но почему-то не отложил рукопись. — Какой-то графоманский бред.

— Но там ещё, — Настя перевернула страницу. — Там про девушку, которая потеряла отца. И про мальчика, который боялся темноты.

— Ступай уже, Настя. Забери, если хочешь. Мне надо работать.

Она ушла, но рукопись оставила на прилавке. Сказала, что зайдёт завтра. Марк хотел выбросить её в мусорное ведро, но почему-то убрал в ящик под кассой. «На всякий случай», — подумал он. Хотя сам не знал, какой случай может заставить его читать любительский опус про птиц и конверты.

День тянулся, как всегда. Пришло трое покупателей. Двое купили советские детективы, третий — старую энциклопедию для внука. Марк получил тысячу рублей, купил в ларьке бутерброд с колбасой и съел его, стоя у витрины, глядя на мокрый асфальт. Степан спрыгнул с подоконника и потёрся о его ноги. Марк погладил кота, и впервые за день в груди чуть шевельнулось что-то тёплое. Но он подавил это чувство, потому что привык не верить в хорошее.

Вечером, когда лавка закрылась, он сел за свой старый стол, налил полстакана дешёвого коньяка и закурил. За окном шумел Лиговский — машины, трамваи, редкие голоса прохожих. Он включил настольную лампу и открыл ящик.

Рукопись лежала там. Она по-прежнему была тёплой.

— Ну давай, — сказал он сам себе. — Почитаем твой бред, пока я не уснул.

Он перевернул первую страницу и начал читать. Неспешно, с усмешкой, готовый отложить книгу после первого же абзаца.

Но он не отложил.

Он прочитал вторую страницу, где герой находил конверт. Третью, где он покупал хлеб. Четвёртую, где случайно встречал старую знакомую, которая говорила ему: «Ты выглядишь счастливым, хотя всегда выглядел несчастным».

Марк прочитал десять страниц. Потом двадцать. Коньяк остыл, сигарета погасла, и он не заметил, как за окном стало совсем темно. Он читал про человека, который был похож на него — такой же одинокий, такой же уставший, такой же уверенный, что его время прошло.

На сорок седьмой странице герой встречал рыжего кота, который сидел на подоконнике и смотрел на него жёлтыми глазами.

Марк поднял голову.

Степан сидел на подоконнике, прямо напротив него, и смотрел жёлтыми глазами. Точно-точно, как в книге.

— Совпадение, — хрипло сказал Марк. — Просто совпадение.

Он закрыл рукопись, сунул её обратно в ящик и запер ящик на ключ. Но прежде чем выключить лампу, он на секунду задержал ладонь на обложке — там, где должна была быть обложка, но её не было.

Под пальцами он почувствовал лёгкую пульсацию. Как будто бумага дышала.

Марк выключил свет и ушёл спать, но в ту ночь он впервые за много лет видел сны. Ему снилась птица. Она сидела на карнизе его дома и держала в клюве конверт с десятью тысячами рублей. Птица смотрела прямо на него, и в её глазах было что-то человеческое.

Он проснулся в четыре утра, весь в поту, и первым делом сунул руку под подушку.

Там лежал конверт.

Толстый, белый, запечатанный сургучом. Марк дрожащими пальцами вскрыл его — и внутри оказалась пачка купюр. Десять тысяч рублей. Новых, хрустящих, пахнущих типографской краской.

Он не клал их туда.

Марк сидел на кровати, глядя на деньги, и понимал: либо он сошёл с ума, либо утренняя книга сбывается. Но хуже всего было другое. Он помнил, что дальше — на восемьдесят девятой странице — герой садится за стол и пишет последнюю главу своей жизни.

А на сотой он умирает.

Марк медленно повернул голову к двери, где на стуле лежала та самая рукопись — он сам принёс её из лавки, хотя не помнил, как.

Она раскрылась сама.

На странице, где был написан герой, его имя стёрлось и вместо него появилось другое, чётким каллиграфическим почерком:

«Марк Сергеевич Фомин».

Он не читал эту страницу вслух.

Он даже не думал о ней.

Но книга знала его имя.

Глава 2. Испытание

Марк просидел на кровати до самого рассвета.

Конверт с деньгами лежал на коленях, рукопись — на стуле напротив. Он пересчитал купюры трижды. Десять тысяч. Ни больше, ни меньше. Та самая сумма, что была описана в книге.

— Это просто совпадение, — прошептал он в пустоту. — У меня могли быть эти деньги. Я просто забыл.

Но он знал, что врёт. У него не было десяти тысяч наличными. Всё, что у него было, — четыре тысячи в кошельке и долг за аренду лавки за два месяца.

Он встал, подошёл к стулу, взял рукопись. Она всё ещё была тёплой. Марк открыл её на первой странице и перечитал начало. Теперь, после того как он нашёл конверт, текст казался другим. Он не был просто текстом. Он был инструкцией.

«Птица сидит на карнизе и держит в клюве конверт».

В его сне была птица. Но откуда книга могла знать, что ему приснится птица? Или это он увидел сон после того, как прочитал?

Марк провёл рукой по лицу. Голова раскалывалась. Нужно было проверить. Наверняка. Без вариантов.

Он оделся, сунул рукопись в старый рюкзак и вышел на улицу. Дышать было легче, когда вокруг двигались машины и люди. Это напоминало ему, что мир существует по своим законам, а не по законам безымянной книжки.

Он пошёл к метро, но на полпути остановился. У входа в подземный переход сидел бездомный — тот самый старик в засаленном пальто, который уже полгода ночевал у теплотрассы. Марк проходил мимо него каждый день и никогда не подавал. Не потому, что был жестоким, а потому что привык не замечать чужую беду.

Но сегодня он остановился.

— Дядя, — сказал он. — Ты читать умеешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.